* * *

Спасибо предкам за сохранность
Священных звуков языка,
Неосязаемую данность,
Соединившую века.

Не надо мне иных речений,
Я их запомнить не смогу,
Но это дедово свеченье
От детства в сердце берегу!

* * *

Много новых птиц на огороде:
Пестрых, с хохолками и без них.
Вижу изменения в народе,
Только дней не вижу золотых.

Вроде солнце всходит и заходит,
Вроде то же самое кругом,
Только песни странные заводит
Птица с непонятным хохолком.

* * *

Время такое: лишь сорнякам
В рост подниматься вольготно.
Больно натруженным нашим рукам
В этой ловушке погодной.

Жаром ударит, градом добьет.
Климат меняется что ли?
Лишь сорняки не боятся невзгод,
Ломки в суставах и боли.

Время такое. Люди сойдут
И не поднимутся боле.
Где же веками прославленный труд?
Лишь одичавшее поле…

1971-й

Мне двадцать два, я в форме офицера
Там, где уже не побывать мне въяве.
Над морем Баренца висит сырая сфера,
И крейсер стынет в ледяной оправе.

Пока сквозисты сопки побережья,
Не тронуть взглядом — исчезают тотчас,
Но с каждым часом все нежней и реже
Туман, рожденный пеленой полночной.

Здесь до Норвегии не больше километра,
На вышке натовской вальяжные солдаты.
Им бы в Техас, чтоб шляпами из фетра
Укрыть от бед свои родные штаты.

По воле министерства обороны
И я заброшен в самый угол мира.
Мне двадцать два: кокарда и погоны,
И чувство Родины, и пушкинская лира.

НА ПРУДУ

«Вода холодная?» — спросила ты.
«Дно илистое!» — быстро отвечаю.
И это значит, что, цепляясь за кусты,
Я просто о-ко-че-не-ва-ю.

Конечно, я бы мог лишь повторить
Твои слова, снимая знак вопроса,
Когда бы просто мог я говорить,
Но мне такая не дается проза.

Подкручивая нервы и слова,
Ищу я фразы с тайной подоплекой,
Но все же ты, любимая, права:
«Да, да, холодная! И вот еще — глубóко!»

И если б сразу я ответил так,
То вмиг забылось утро неземное,
И светлый берег, и прозрачный знак,
Что мне тепло, всегда тепло с тобою!

* * *

Соловьи не поют — хорошо,
Значит, каждый нашел свою пару.

Нина Стручкова

Ранним часом хорош соловей,
Что за песню любовь сочинила!
Он поет, все сильней и живей
Вызревает звенящая сила.

Жгучей музыкой песня полна,
Никуда от нее мне не деться,
С головой накрывает волна,
Разрывая и горло, и сердце.

Я смотрю в побуревший овраг,
Одинокую песню толкую:
Ах, несчастная птица, чудак…
Как же выдержать муку такую!

ДОМНА

Героической правдою послевоенной
От рождения полон по самое сердце,
В этой жизненной топке смолистым поленом
Все сгораю, и все не могу я согреться.

И согреть не могу тех, кто верит и любит,
Этим бедным огнем после бед и сражений…
Только рудные угли оставили люди,
Только пепел сгоревших в печи поколений.

* * *

Умею сильным быть и гордым,
Но не умею так страдать,
Чтобы безмолвьем сжало горло,
И плакать, плакать без стыда.

Но ты, любимая, страдаешь,
Ты убиваешься навзрыд,
А я всего лишь ранен, я лишь
Немного ранен, не убит.

СТАРЫЙ ПТЕНЕЦ

Все реже радость, чаще — грусть,
Душа — птенец неоперенный,
Я с нею заново учусь
Внекрепостному чувству дома.

Дороги есть на воздусях,
Пока туда мне путь заказан.
Ловлю я ветер второпях,
И повожу голодным глазом.

Заканчивая жизни круг,
Я приближаюсь к точке точек
Неоперенных моих рук,
Неголосистых моих строчек…